

В.Д. Попков

СООБЩЕСТВО АФГАНСКИХ МИГРАНТОВ В МОСКВЕ: ВОПРОСЫ СТРУКТУРЫ И ИДЕНТИЧНОСТИ*

Статья посвящена проблемам идентичности афганских беженцев в России, а также анализу структуры сетей связей афганского сообщества в Москве. Афганские мигранты в Москве представляют собой совершенно уникальное образование, в корне отличающееся от других общин этнических диаспор: сообщество, состоящее из нескольких этнических групп, объединенных между собой более широким понятием «общеафганской» идентичности.

Афганское сообщество представляет собой сетевую структуру. В противовес традиционным (иерархическим) структурам, которые характеризуются «ступенчатостью» институтов с четким вертикальным построением, потоком решений «сверху вниз» и наличием выраженной позиции лидера (лидеров), афганское сообщество создает сетевую линейную организацию с множеством ячеек (звеньев) с неявно выраженным лидерством.

Этнический состав населения Москвы существенно изменился за последние годы. Если в 1989 г., согласно данным переписи населения, самым крупным национальным меньшинством в Москве были украинцы (около 250 тыс. человек), то сегодня количество «значимых» этнических общин заметно возросло.

На фоне других этнических групп афганцы занимают далеко не лидирующие позиции. Так, по данным Центра межнационального сотрудничества в 2000 г. в Москве проживало около 50 тыс. афганцев, при том что, согласно этому же источнику, в Москве проживают, например, 900 тыс. татар, 500–600 тыс. армян, 300–400 тыс.

* Автор выражает особую благодарность сотрудникам «Экилибра-Солидарности» и московского представительства УВКБ СОН за сотрудничество и помощь на разных этапах исследования.

украинцев [1; 2]. По данным Ассоциации помощи афганским иммигрантам и Фонда помощи Афганистану в Москве в 2001 г. проживало от 15 до 18 тыс. афганских иммигрантов [3]. Специалисты УВКБ ООН говорят о 28052 афганцах, зарегистрированных данной организацией с 1992 по 2001 г. [4]. По неофициальным оценкам других экспертов, в Москве насчитывается от 50 до 150 тыс. афганцев. Как мы видим, данные довольно различны и позволяют лишь приблизительно оценивать численность афганцев.

Данная статья написана по итогам проекта «Афганские беженцы в Москве. Социологический обзор», проведенного автором по заказу Управления Верховного Комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) в 2001 г. Целью проекта было выявление особенностей жизнедеятельности афганских мигрантов в Москве. В ходе исследования опрашивались три наиболее численно представленные этнические группы афганцев (пуштуны, таджики и хазарейцы)*.

В исследовании было предусмотрено применение качественных методов. К ним относились: а) анализ статистики и материалов периодической печати по данной теме; б) глубинные интервью; в) опрос экспертов.

Экспертный опрос носил вспомогательный характер и проводился среди сотрудников УВКБ ООН, а также других специалистов, работающих по данной теме. Всего было опрошено 12 экспертов в Москве.

Применение качественных методов было вызвано несколькими причинами: во-первых, применение количественных методов, в частности, построение репрезентативной выборки было невозможным в силу отсутствия точных данных о генеральной совокупности исследуемого этнического рассеяния. Во-вторых, несомненным преимуществом качественных методов является то, что исследователь оказывается непосредственно включен в изучаемую им действительность. Это помогает осознать факт своей принадлежности к определенным социальным категориям, группам и т. д. В случае применения качественного метода процесс исследования может рассматриваться как «вторичная социализация», во время которой исследователь узнает изучаемый мир точно так же, как он узнал свой собственный мир в качестве члена определенной социальной группы [5]. Кроме того, вместо проверки заранее сформулированных гипотез (как это принято в количественных методах), исследователь пытается по возможности «наивно», т.е. избегая оценочных суждений, спрашивать, наблюдать, регистрировать реакции респондентов. Таким образом создается предпосылка для изучения реальной сферы взаимодействий, а не искусственно сконструированной «социологической действительности».

Выборка формировалась методом «снежного кома» и состоит из 15 пуштунов, 15 таджиков и 15 хазарейцев. Всего было проведено 45 глубинных интервью. Все

* Народность пуштунов составляет наибольшую единую группу, на долю которой приходится до 40 % населения Афганистана. Они являются преимущественно мусульманами-суннитами и говорят на языке пушту. Вторую большую группу составляют таджики, говорящие на персидском языке. Большинство из них мусульмане-сунниты, однако на западе страны (в городе Герате и его окрестностях) есть таджики, являющиеся мусульманами-шиитами. Хазарейцы по происхождению относятся к восточно-тюркской группе и являются последователями мусульман-шиитов, использующими язык фарси как родной. Узбеки и туркмены следуют традиции мусульман-суннитов и по этническому и языковому признакам относятся к тюркской группе. Другие афганские тюркские группы включают представителей народностей кипчаков, казахов, чайрамаков и киргизов [4, с. 6–7].

интервью проводились на дари двумя афганскими интервьюерами — представителями пуштунской и таджикской групп. Критериями отбора интервьюеров выступал уровень образования (не ниже среднего) и хорошее знание русского языка. Оба интервьюера прошли недельный инструктаж, включающий проведение «пилотных» интервью.

Таким образом, поскольку построение репрезентативных выборок не было возможным данные, полученные в ходе исследования, не отражают в полном объеме всех свойств генеральной совокупности.

Основной трудностью исследования в Москве являлось преодоление «закрытости» афганского сообщества: во-первых, поиск респондентов и, во-вторых, получение у них информации. Учитывая специфику объекта исследования, было принято решение отказаться от использования диктофонов в разговоре с респондентами. Более того, иногда люди довольно болезненно реагировали даже на то, что их ответы записывались на бумагу. В таких случаях часть ответов записывалась уже после беседа. Во внимание также принималось, что некоторая информация (например вопросы, касающиеся финансов) могла быть получена только в свободной беседе, без записи. Все интервью проводились на дари и были переведены на русский.

Характер проведения глубинного интервью

Процедура глубинного интервью направлена на то, чтобы не только получить прямую информацию, но добиться от респондента характерной именно для него реакции на поставленную тему. Таким образом, речь идет о получении значимой информации, которая приобретается в ходе непрерывного поиска вопросов и смены тем интервью.

Особенность интервью заключалась в постоянных попытках интервьюера побуждать самого респондента к высказываниям и анализу затрагиваемой темы. Постановка вопросов в ряде случаев носила косвенный характер. Это обусловлено допущением, что между реальными действиями людей и их высказываниями существует определенный разрыв. В особенности это касается таких тем, как взаимодействие с властями (из-за опасения неконфиденциальности информации), отношение к другим этническим группам, и ряда других вопросов. По этой причине в исследовании некоторых тем предусматривалось применение ассоциативной техники. Характер интервью также предполагал, чтобы респондент был один. Вмешательство коллег по работе, домашних, соседей или других посторонних, которые, по мнению респондента, «не мешают» ходу интервью, рассматривалось как недопустимое.

Основные характеристики исследуемых групп

Пуштуны

С представителями пуштунских племен было проведено 15 интервью. Шесть респондентов — женщины, девять — мужчины, возраст респондентов от 25 до 70 лет. Респонденты в основном имеют семьи. Исключения составляют пятеро опрошенных — три женщины и двое мужчин. Количество детей в семьях опрошенных от одного до семи человек. Семеро респондентов имеют несовершеннолетних детей. Уровень образования опрошенных пуштунов лежит в пределах от начальной школы (один случай) до высшего образования. Остальные опрошенные имеют выс-

шее (восемь респондентов) и среднее (шесть респондентов) образование. Все опрошенные мусульмане-сунниты. Семеро опрошенных полагает, что религия для них очень важна и занимает заметное место в их жизни. Для остальных восьми респондентов религия не играет заметной роли, однако все опрошенные четко идентифицируют себя с суннитским направлением ислама. Один опрошенный имеет российское гражданство. Двое респондентов не имеют никаких документов. Остальные либо зарегистрированы в УВКБ ООН (семеро респондентов), либо в афганском фонде (пятеро опрошенных). Часть респондентов имеет двойную регистрацию: в афганском фонде и в УВКБ ООН. Один опрошенный постоянно продлевает визу.

Длительность проживания в Москве

Большая часть опрошенных прибыла в Москву в период с 1992 по 2001 г. Пик переезда опрошенных пуштунов приходится на период 1992-1996 гг. Незначительное количество мигрантов (два респондента) непрерывно живет в Москве с 1988–1989 гг. Для некоторой части опрошенных миграция не является первым знакомством с Москвой, так как они учились или проходили стажировку в различных учебных заведениях Москвы и других городов России (четверо опрошенных). Не все респонденты после отъезда из Афганистана сразу приехали в Москву. Часть из них от 2-х до 4-х лет жили в других странах (Индия и Пакистан), и лишь после этого переехали в Москву.

Виды деятельности. Доход

Значительная часть опрошенных мужчин нелегально работает на рынках столицы (семеро респондентов). В основном это продавцы. Некоторые занимаются мелкооптовой торговлей. В этом случае респондент может иметь у себя наемных рабочих-продавцов. Исключением является один опрошенный, который владеет торговой фирмой и легально ведет свой бизнес. Подавляющее большинство мужчин работают, даже если они имеют проблемы со здоровьем (инвалидность) и получают помощь УВКБ.

В своей «прошлой» жизни в Афганистане заметная часть респондентов была связана с вооруженными силами — офицеры служб безопасности, авиации, армии. Реже представлены врачи (один опрошенный) и студенты (два респондента). У женщин доминировали виды занятости, связанные с преподавательской деятельностью и работой в области медицины. Некоторые занимались исключительно ведением домашнего хозяйства. Одна респондентка училась в вузе и одна работала портнихой.

Разброс доходов на семью достаточно широк: от 4500 до 16000 руб. Следует оговориться, что данная сумма может включать собственный заработок, помощь родственников и помощь УВКБ ООН. На каждого члена семьи (в зависимости от количества иждивенцев) и от дохода в среднем приходится от 1500 до 4500 руб. в месяц. К этому следует добавить, что респонденты крайне неохотно делились информацией о своих доходах. В частности, в трех случаях вообще не удалось получить никакой информации от респондентов, а в одном случае указанные доходы оказались явно занижены.

Жилье в Москве

Основная масса респондентов снимает жилье. Чаще всего это однокомнатные квартиры, снятые через посредников. Размер оплаты однокомнатной квартиры составляет от 100 до 180 долларов. Лишь четверо респондентов живут в двухком-

натных квартирах, причем один опрошенный является собственником квартиры. За двухкомнатную квартиру респонденты вынуждены платить от 200 до 250 долларов. Следует отметить, что в двухкомнатных квартирах живут от двух (и более) семей — респонденты указывают, что часто снимают жилье совместно с семьями родственников. В однокомнатных квартирах может проживать от 2 до 7 человек, для двухкомнатных квартир эта цифра может заметно увеличиваться.

Отношение к политическим партиям

Более половины опрошенных пуштунов (девять человек) относят себя к членам НДПА. Представлено как крыло «Хальк», так и «Парчам». Однако многие респонденты, указавшие на свою партийную принадлежность, говорят об этом в прошедшем времени. В настоящее время партийное деление считается не актуальным, поэтому многие респонденты реагировали на этот вопрос достаточно безразлично. Реакции остальных опрошенных (шесть респондентов) на вопрос о партийной принадлежности колеблются от иронических до предельно негативных.

Хазарейцы

Всего было опрошено 15 человек, 13 мужчин и 2 женщины. Возраст респондентов — в пределах от 21 до 61 года. Почти половину опрошенных (семеро респондентов) составляют молодые мужчины от 21 до 26 лет, не имеющие детей и семьи. У остальных респондентов количество детей колеблется от одного до пяти, причем у части опрошенных дети находятся в Афганистане. Уровень образования опрошенных хазарейцев лежит от нулевого уровня (респондент не умеет ни читать, ни писать) до высшего образования. Последний случай представляют два респондента. Подавляющее количество респондентов не имеют никакого образования (девять опрошенных). Один опрошенный закончил среднюю школу (12 классов). У оставшихся трех респондентов образование от 4 до 6 классов средней школы. Все опрошенные мусульмане-шииты. Для подавляющей части опрошенных религия играет важную роль в жизни. Более того, почти половина респондентов отмечает ведущую роль религии. Только один респондент отметил незначимость религии. Один опрошенный имеет российское гражданство, четверо зарегистрированы в афганском фонде, трое — в УВКБ ООН, два респондента продлевают визу, остальные не имеют никакой регистрации.

Длительность проживания в Москве

Значительная часть опрошенных хазарейцев прибыла в Москву в период с 1997 по 1999 г. Исключение составляет один респондент, который живет в Москве с 1985 г. Часть опрошенных от одного до трех лет жили в Иране, прежде чем переехать в Москву.

Виды деятельности. Доход

Подавляющая часть опрошенных хазарейцев работает на рынках. В основном это продавцы, грузчики, кладовщики (десять опрошенных). Две женщины являются домохозяйками, один респондент имеет собственный бизнес, один работает бухгалтером в одной из афганских фирм. Не работает только один респондент. В Афганистане большинство опрошенных занимались похожими видами деятельности. Это разнорабочие, продавцы на рынках, грузчики, сторожа. Некоторые молодые респонденты помогали своим ближайшим родственникам в ведении мелкого торгового бизнеса. Диапазон доходов колеблется от 3000 до 12000 руб. Как и в группе

пуштунов, доход может включать собственный заработок, помощь родственников и помощь УВКБ ООН. Доходы на одного человека в семьях респондентов составляют от 1000 до 10000 руб. В двух случаях информация о доходах респондентов не была получена.

Жилье в Москве

подавляющая часть опрошенных хазарейцев снимают жилье. Как правило, это однокомнатные квартиры, в которых живут от двух до четырех человек, сумма, которую приходится платить за однокомнатную квартиру, колеблется от 100 до 200 долларов. Три респондента живут в двухкомнатных квартирах. Однако в этом случае количество проживающих там людей может составлять пять-семь человек. Плата за двухкомнатные квартиры может составлять до 200 долларов. Трое респондентов не снимают квартир и живут бесплатно на складе или в магазине, где работают. Один респондент живет в квартире жены.

Отношение к политическим партиям

Только двое опрошенных упомянули о том, что ранее являлись членами партии «Вахдат». Подавляющее большинство опрошенных хазарейцев никак не относятся к партийному делению и подчеркивают, что в Москве, в отличие от Афганистана, партийное деление не актуально. Значительная часть респондентов утверждают, что политикой не интересуются вообще.

Таджики

Всего было опрошено 15 таджиков в возрасте от 22 до 47 лет. Все опрошенные — мужчины. Значительная часть респондентов (девять человек) находится в возрасте от 22 до 25 лет, не имеют семьи и детей. Количество детей в семьях опрошенных колеблется от одного до трех. У одного опрошенного семья осталась в Афганистане. Уровень образования опрошенных таджиков колеблется от элементарного уровня (респондент обучен грамоте, умеет читать и писать) до среднего специального образования. Первый случай представлен пятью респондентами, последний — тремя. Еще один респондент окончил среднюю школу. Уровень образования остальных опрошенных лежит в пределах от 1 до 6 классов средней школы. Все опрошенные — мусульмане-сунниты. Для двоих респондентов религия занимает ведущее место в их жизни. Для остальных религия также значима, но ей не отводится главенствующая роль. Десять респондентов имеют регистрацию афганского фонда, двое зарегистрированы в УВКБ ООН, еще двое опрошенных регулярно продлевают визу, оставшиеся три респондента не имеют никаких документов о регистрации.

Длительность проживания в Москве

Значительная часть опрошенных таджиков прибыла в Москву с 1996 по 1998 гг. Исключение составляет один респондент, проживающий в Москве с 1988 г. Часть опрошенных, перед тем как приехать в Москву, жили от 1 до 2 лет в Индии, Пакистане или Иране.

Виды деятельности. Доход

Деятельность всех опрошенных таджиков связана с торговлей. 13 респондентов работают продавцами или грузчиками на рынках. Один респондент продает товар оптом со склада и у одного свой торговый бизнес. Деятельность большинства опрошенных таджиков в Афганистане в основном также была связана с торговлей.

Это либо собственный бизнес, либо помощь в ведении дела ближайшим родственникам, либо работа на рынках в качестве разнорабочего.

Уровень доходов колеблется от 4500 до 8000 руб. У семейных респондентов доходы на каждого члена семьи составляют от 1500 до 2500 руб. Как и в двух предыдущих группах, данная сумма может включать собственный заработок, помощь родственников и помощь УВКБ ООН. В одном случае информация о доходах не была получена.

Жилье в Москве

Основная часть опрошенных таджиков снимает жилье. Как и в случае с двумя предыдущими группами, это однокомнатные квартиры, снятые через третьих лиц. Величина оплаты однокомнатной квартиры составляет от 100 до 150 долларов. Количество человек, проживающих в однокомнатных квартирах, колеблется от 2 до 5. Два респондента снимают комнату в двухкомнатной квартире с хозяевами.

Отношение к политическим партиям

Среди опрошенных таджиков партийное деление считается не актуальным и не имеющим смысла. Подавляющее большинство респондентов реагировали на этот вопрос безразлично. Для значительной части опрошенных партийно-политического деления афганцев в Москве вообще не существует.

Проблема выбора идентичности

Говорить о значимости политического деления и политических разногласий среди афганцев в Москве вряд ли уместно. Большинство из них уже не придают (или даже не придавали ранее) партийной принадлежности решающего значения. Более того, приток молодых кадров в партии практически сведен к нулю), поэтому можно говорить лишь об этническом разделении общины.

Закономерен вопрос о том, насколько сообщество афганцев в Москве подходит под понятие «единой» общины. Что считать более важным: принадлежность собственно к афганцам или, например, к таджикам (пуштунам, хазарейцам и т. д.)? Проблема также и в том, что ответы на этот важнейший вопрос могут меняться в зависимости от сложившейся ситуации. Другими словами, иногда может быть «выгодно» чувствовать себя прежде всего афганцем, а потом пуштуном (таджиком и т. д.), а иногда наоборот. То есть речь идет о возможности выбора афганцами идентичности, или о множественной идентичности.

По этой причине представляется необходимым анализировать афганцев по этнически гомогенным частям, то есть по этническим группам, учитывая однако при этом их принадлежность к более широкой общности, объединяющей всю совокупность этнических, родственных, клановых групп афганского сообщества. Следует подчеркнуть, что само понятие «афганская община» понималось респондентами именно как афганское сообщество, состоящее из многочисленных этнических групп афганцев. Таким образом, термин «афганская община» представляется не совсем корректным, так как фактически речь идет о нескольких этнических общинах, объединенных более общими принципами. Именно поэтому в дальнейшем я буду использовать термин «афганское сообщество», который является более приемлемым.

У всех исследуемых этнических групп наиболее четко представлены три позиции:

1. На сегодняшний момент большинство опрошенных пуштунов и таджиков более склонны говорить о том, что они считают себя афганцами, в большинстве слу-

чаев игнорируя при этом свою принадлежность к собственным этническим группам. Узкая групповая принадлежность демонстративно не рассматривается как ценность и как бы игнорируется. Во всех группах ярко выражено желание подчеркнуть незначимость этнических различий. Акцент ставится на том, что *«здесь, в Москве мы все афганцы, а деление по национальному признаку осталось в Афганистане»*. *«Я считаю себя афганцем и не различаю моих земляков по национальной принадлежности»*. *«Здесь, в России, мы все чувствуем себя афганцами»*.

Среди хазарейцев данная позиция выражена значительно слабее, чем в остальных группах, а принадлежность к собственной группе проявляется намного отчетливее.

2. Существует тенденция считать себя в первую очередь афганцами, но подчеркивая при этом, что этническая принадлежность не менее важна. Эта позиция представлена также достаточно сильно, но в случае с пуштунами и таджиками несколько уступает первой. Среди хазарейцев эта позиция является доминирующей. Значительная часть респондентов данной группы склонны подчеркивать свою этническую принадлежность, оговаривая при этом, что она играет для них скорее вторичную роль. *«Мы в Москве все являемся афганцами, но все равно я не могу забыть, что я хазареец»*.

3. Слабее всего представлено мнение, согласно которому узкая этническая идентичность явно доминирует над «общеафганской». Среди групп пуштунов и таджиков об этом говорят в единичных случаях. *«Я сначала пуштун, а потом афганец, потому что для меня важнее мое национальное происхождение»*.

У хазарейцев данная тенденция представлена сильнее, чем в остальных этнических группах. *«Я считаю себя афганцем, хотя в глубине души каждый из нас националист, но он это скрывает. Поэтому было бы глупо говорить, что мне не важно, что я хазареец»*.

Обратим внимание и на тот факт, что большинство пуштунов, включая и сторонников первой позиции, отвечая на вопрос «Что значит быть настоящим афганцем?» обязательно говорят о пуштунвали — пуштунском кодексе чести, многие респонденты отмечали, что подобные «кодексы чести» или «правила поведения» существуют и у других этнических групп афганцев, однако у пуштунов и хазарейцев это представлено особенно сильно.

Насколько можно принимать всерьез утверждения части опрошенных о не важности своей этнической принадлежности и какие выводы можно сделать на основании трех представленных позиций?

Предположительно, за первой позицией скрывается желание части респондентов, чтобы этнические особенности групп афганского сообщества были отодвинуты на второй план и рассматривались как второстепенные. В ряде случаев это звучит достаточно парадоксально: *«Я отношусь ко всем партиям равнодушно, но не люблю талибов. Талибы очень жестокие и неграмотные люди. Талибы по национальности пуштуны, поэтому я не очень хорошо отношусь к пуштунам. Они очень много преступлений сделали... Но здесь, в Москве, разногласий на национальной почве среди афганцев не наблюдается»*.

Итак, среди всех групп существуют как четко обозначенные, так и завуалированные тенденции к тому, чтобы во главу угла ставить узкую этническую (а скорее

всего, узкоклановую) принадлежность. Наряду с этим во всех группах заметна тенденция к тому, чтобы рассматривать себя как часть единого афганского сообщества. Особенно ярко это проявляется у пуштунов и таджиков.

В самом деле, несмотря на наличие очевидных этнических границ, внутри афганского сообщества также весьма отчетливо представлены интеграционные тенденции и желание чувствовать себя единым целым — то есть афганцами. Этому способствует и внешняя среда, так как принимающее население не склонно замечать каких-либо этнических нюансов внутри афганского сообщества. Способ выражения отношения к данной проблеме во многом зависит от уровня образования респондентов. Многие респонденты с низким уровнем образования (или неграмотные) откровенно «путаются» в своих ответах, смешивая желаемое состояние афганского сообщества с реальным положением дел.

Особо следует подчеркнуть, что определение наиболее значимой этнической идентичности действительно является большой проблемой для многих афганцев, поэтому другие идентичности, например региональная, отодвигаются на задний план. В частности, почти никак не выделяется «московская» идентичность., т. е. практически все респонденты склоняются к тому, что «московские» афганцы ничем не отличаются от «краснодарских», «ростовских» или «петербургских». Единственное отличие, которое отмечалось, касалось условий и уровня жизни, а также возможностей поиска работы афганцами в разных городах. Для опрошенных нет сомнений в том, что наиболее привлекательным городом в России является столица. В основном это обусловлено возможностью работы. Что же касается возможных изменений жизненных ценностей, уклада жизни или других особенностей, которые могли бы быть характерными только для «московских» афганцев, то здесь существенных отличий не отмечено. Вероятнее всего, на сегодняшний момент региональная идентичность в самом деле не является определяющей, поскольку большинство афганцев не в состоянии прогнозировать даже того, в каком регионе или городе они окажутся. Таким образом, наиболее важной «зацепкой», ориентиром в жизни являются узкая этническая и «общаафганская» идентичности, которые находятся в постоянной борьбе за первенство в иерархии идентичностей.

Организация афганского сообщества в Москве: уровень сплоченности

Уровень организации афганского сообщества в целом оценивался респондентами как невысокий. Представителями всех этнических групп постоянно подчеркивается отсутствие какой-либо организованности и сплоченности афганцев. Подавляющее большинство респондентов не склонно замечать наличие каких-либо координирующих структур в афганском сообществе. *«Я не вижу никакой организации афганцев... и не вижу лидеров, которые могли бы их организовать. У афганцев нет никакой общей идеи, кроме, может быть, мира в Афганистане. Нет, афганцы не сплочены, каждый думает о себе, хотя могут помочь друг другу в трудной ситуации».*

Следует подчеркнуть, что в данном случае оценивается уровень организации афганского сообщества в целом. Что же касается организации и сплоченности этнических групп по отдельности, то здесь ситуация несколько иная. Наиболее организованными, как и наиболее сплоченными являются хазарейцы. Это ярко проявляется и в собственных оценках хазарейцев своей группы, и в оценках пуштунов и

таджиков. *«Я не могу сказать, что афганцы сплочены... Только хазарейцы более тесно связаны между собой».*

Что же касается таджиков и пуштунов, то практически всегда отмечается, что они сплочены в меньшей степени, чем хазарейцы, и связи между членами этой группы представлены слабее, чем у хазарейцев. Сравнение с хазарейцами часто встречается в высказываниях как таджиков, так и пуштунов. *«Самыми сплоченными среди афганцев являются хазарейцы, туркмены, узбеки. То есть те, кто является национальными меньшинствами в Афганистане. Но в целом афганцы также сплочены и готовы в любой момент прийти на помощь друг другу».*

Примечательно, что в большинстве случаев таджики и пуштуны достаточно скептически говорят о сплоченности и наличии организации как внутри своих этнических групп, так и внутри афганского сообщества в целом. В этом, пожалуй, их главное отличие от группы хазарейцев.

В то же время обращает на себя внимание некоторая двойственность:

1. С одной стороны, многие респонденты (включая и хазарейцев) очень критически рассматривают сплоченность афганцев в Москве, считая, что афганцы крайне разобщены. Так, разобщенность афганского сообщества подчеркивается многими опрошенными, которые говорят о том, что нельзя рассчитывать на помощь земляков в трудной ситуации. По их мнению, оказание помощи возможно только со стороны родственников и близких знакомых из своей этнической группы. *«Какова вероятность оказания помощи, например, таджика пуштуну и наоборот?» «Чтобы эту помощь оказали, надо чтобы таджик обратился к пуштуну за этой помощью. А он вряд ли обратится. Нельзя, конечно, говорить, что это ни за что и никогда не случится. Но в основном это так».* *«Нет, не каждый афганец в Москве может рассчитывать на поддержку земляков. Только знакомые или родственники помогают друг другу».*

Правда, необходимо учитывать, что круг «знакомых и родственников» может быть очень широк и в некоторых случаях достигать пятидесяти (и более) человек.

Разобщенность афганских групп косвенно подтверждается также тем фактом, что среди всех групп отсутствуют действительно значимые лидеры. Как правило, говорят лишь о людях, имеющих некоторое влияние на весьма ограниченное число своих земляков. В основном это два типа лидерства. Во-первых, сюда относят людей, которые достигли успеха в бизнесе и могут создавать рабочие места, привлекая в первую очередь своих земляков. Во-вторых, это старшие по возрасту и положению (в «прошлой» жизни в Афганистане) люди, которые также имеют влияние лишь на ограниченный круг своих земляков. *«Заметных лидеров среди афганцев в России нет, но живут люди, которые раньше занимали большие посты в разное время. Их знают многие афганцы. Вот к этим людям иногда прислушиваются и считаются с их мнением».*

Однако первый тип лидерства, по-видимому, доминирует. Во всяком случае, молодые респонденты (до 30-35 лет) говорят именно о тех, кому удалось создать свое дело и тем самым приобрести влияние и уважение своего окружения. *«Внутри афганской общины нет явных лидеров. Но в сложных ситуациях афганцы могут обращаться к авторитетным людям, директорам фирм, старшим по возрасту или по положению».*

Большинство респондентов склоняются к мнению, что афганцы с трудом при-

знают превосходство других. Понятие лидера, по их словам, как раз предполагает такое превосходство и зависимость от него (пусть даже самую малую). Таким образом, можно лишь предположить, что внутри этнических групп существует несколько групп влияния, которые конкурируют между собой. Наименьшее количество таких групп наблюдается у хазарейцев. Предположительно, у хазарейцев речь может идти о двух-трех таких группах с выраженной лидерской позицией. Скорее всего, именно поэтому хазарейцы демонстрируют большую организованность и сплоченность, чем пуштуны и таджики, именно среди хазарейцев наблюдаются наиболее тесные связи и готовность помочь своим землякам (хазарейцам). Создается ощущение того, что хазарейцы более всех остальных групп стремятся к созданию собственной общины, четко отличающейся от других этнических групп афганцев, и уже достигли определенного успеха в этом направлении.

У пуштунов и таджиков присутствуют сразу несколько групп влияния. Это косвенно подтверждается тем фактом, что даже среди официально зарегистрированных афганских общественных организаций наиболее часто представлены те, в которых на лидирующих позициях находятся пуштуны или таджики и которые созданы пуштунами или таджиками.

2. В то же время, несмотря на отсутствие ярких лидеров и организации, по крайней мере внутри пуштунской и таджикской групп, значительная часть всех опрошенных афганцев считает, что афганцы держатся друг за друга и дорожат связями между собой. Это касается не только контактов внутри собственной этнической группы, но и «внешних» контактов с другими группами. Более того, основная часть опрошенных полагает, что в трудной ситуации афганцы помогут друг другу и что в России афганцы, как правило, поддерживают друг друга. *«Нет, в Москве и в целом в России у афганцев нет своих лидеров, но афганцы оказывают поддержку друг другу, однако это только моральная поддержка, потому что большинство афганцев не в состоянии оказать друг другу финансовую поддержку».*

Действительно, в большинстве случаев речь идет именно о так называемой «моральной» или, скорее, информационной и психологической поддержке. Сюда относятся различного рода советы, консультации, услуги, касающиеся в основном помощи в поиске работы и жилья. То есть поддержка четко разделяется на две категории: материальную (финансовую), которую можно получить лишь от узкого круга лиц, принадлежащих к своей этнической группе, клану, и информационно-психологическую: сочувствие, понимание, ее окажет любой афганец, независимо от этнической принадлежности. Значительное число респондентов полагают, что такого рода поддержку афганцы получают всегда. *«Каждый афганец может рассчитывать на поддержку своего земляка, но это будет не материальная, а скорее всего моральная поддержка».*

Таким образом, респонденты достаточно противоречиво оценивают афганское сообщество в Москве: с одной стороны, можно видеть сразу несколько конкурирующих групп влияния (по крайней мере, это отчетливо представлено у таджиков и пуштунов), что само по себе исключает возможность более или менее координированных совместных действий. Исключение возможно лишь в случае с хазарейцами, но в масштабах афганского сообщества это вряд ли может повлиять на общую картину. Поэтому афганское сообщество в Москве видится самими афганцами как

разобшенная и расколота общность. С другой стороны, это сочетается с высоким уровнем сплоченности, взаимопомощи и готовности оказать поддержку «своим». На первый взгляд, эти два аспекта кажутся трудно сопоставимыми, поэтому требуют отдельного объяснения и рассмотрения структуры афганского сообщества и соотношения афганского сообщества и узкой этнической группы.

Во-первых, я предполагаю, что респонденты в ряде случаев склонны объединять свою этническую группу с большим афганским сообществом, в то время как в других случаях они рассматривают «себя» (свою группу) отдельно, в зависимости от того, насколько это выгодно в каждой конкретной ситуации. Например, так как сильно представлены интеграционные тенденции, согласно которым многие опрошенные хотели бы видеть афганцев как единую общность, респонденты говорят о том, что лично они обязательно поддержали бы афганцев в трудной ситуации. Об этом говорит подавляющее большинство респондентов всех этнических групп. Причем, в этом случае речь идет именно об афганцах, а не о пуштунах, таджиках или хазарейцах. При этом те же самые люди достаточно скептически высказываются о вероятности получения помощи от афганской общины, подчеркивая, что «община — это не то место, где можно получать поддержку». Получение реальной поддержки связывается в основном с достаточно узким кругом лиц — родственников и знакомых, принадлежащих к той же самой этнической группе.

Вероятнее всего, в этой дилемме отражается расхождение интеграционных стремлений респондентов, которые хотят видеть афганское сообщество более сплоченным (я хочу, чтобы так было), и реальной ситуации (на самом деле все по-другому). С одной стороны, оказание поддержки связывается со всем афганским сообществом. Ведь такой вид поддержки, как информационно-психологическая, оказывается практически всегда. Кроме того, страх неопределенности и проблемы выживания в чужой стране, стоящие перед многими афганцами, лишний раз подталкивают их к необходимости участия в судьбах земляков. Но с другой стороны, получение финансовой поддержки связывается только с конкретными людьми, как правило, родственниками или знакомыми из той же этнической группы или клана. Таким образом, можно говорить о двух «кругах» сплоченности и взаимовыручки: внутри собственной этнической группы и внутри более широкого афганского сообщества.

Такое положение дел вполне согласуется с рассуждениями о проблемах выбора идентичности и попытках построения «общеафганской» идентичности, которые рассматривались выше.

Во-вторых, афганское сообщество представляет собой сетевую структуру. В противовес иерархическим структурам, которые в идеальном варианте характеризуются «ступенчатостью» институтов с четким вертикальным построением, потоком решений «сверху вниз» и наличием выраженной позиции лидера (лидеров), афганское сообщество создает сетевую линейную организацию с множеством ячеек (звеньев), в которых лидирующая позиция выражена не явно. Первичными ячейками (звеньями) сетевой организации афганцев являются группы ближайших родственников, кланы. Они, в свою очередь, объединены более общим этническим принципом в этнические группы. Вероятнее всего, уровень сплоченности и взаимопомощи уменьшается по мере расширения сети организации.

Это обусловлено тем, что в основе такой организации лежит принцип личного доверия и личных связей. Можно предположить, что в большинстве случаев наибо-

лее высокий уровень доверия будет наблюдаться в малых родственных группах (звеньях), а наиболее низкий — между представителями различных этнических групп афганского сообщества. Например, поиск земляков внутри афганского сообщества осуществляется именно на основе этнической и клановой принадлежности. Для этого используется принцип «через-через»: *«Искать какого-нибудь афганца в Москве лучше всего по национальной принадлежности. Лучшие всего спрашивать земляков этого человека, если он мало общается с другими афганцами».*

Действительно, многие респонденты считают, что в Москве они могут найти любого из афганцев, если, конечно, он/она находится в столице. В большинстве случаев подчеркивается, что через знакомых, а также знакомых других знакомых и т.д. можно разыскать практически любого человека. То есть возможность построения новых и возрождения старых «ниточек» связей и отношений присутствует в афганском сообществе практически всегда.

По аналогичному принципу работает и система перевода денежных средств. Например, чтобы переслать деньги в другой регион России или даже за границу, совершенно не обязательно их брать с собой и везти в «чужке». На основе личного доверия (причем человека можно знать только по рекомендациям) можно передать посреднику необходимую сумму, а он используя современные средства коммуникации и личные связи в интересующем регионе, договаривается с другими посредниками, которые выплачивают нужную сумму получателю в другом регионе или стране. Таким образом, в организациях сетевого типа прочность личных связей и уровень взаимопомощи будет заметно выше, чем в традиционных, иерархических системах.

Означает ли линейно-сетевой принцип отсутствие иерархии в системе? Я думаю, что нет. Просто иерархия в данном случае имеет более «мелкую» структуру и стремится к максимальной «плоскости» построения отношений. Наиболее яркое выражение это находит в малых ячейках (звеньях) сообщества, которые самодостаточны и имеют собственных лидеров — старших по возрасту и/или успешных бизнесменов. Эти звенья являются основными элементами функционирования всего афганского сообщества. Такие ячейки предельно подвижны и значительная часть из них географически «разбита», то есть многие их члены находятся в разных городах (странах), сохраняя при этом тесные связи между собой. Эти звенья, по-видимому, являются основными добытчиками, носителями и передатчиками информации.

Наряду с этим, афганским сообществом в Москве предпринимаются попытки построения традиционной, иерархической структуры. Примерами этому могут служить попытки сохранения партийного деления, создание различных фондов, общественных организаций, торговых фирм и т.д. Эти два типа построения отношений существуют в афганском сообществе параллельно, не исключая друг друга. Усиление иерархического компонента делает сообщество более управляемым, но одновременно более уязвимым для внешнего воздействия. Однако его влияние в афганском сообществе ничтожно мало. Таким образом, в афганском сообществе, во всех исследуемых этнических группах, сочетаются две противоположные тенденции: явное, декларируемое стремление к интеграции и построению «общафганской» идентичности и в то же время латентное сохранение узкоэтнической направленности, преследующей узкоклановые интересы, которые могут далеко не всегда совпадать с декларируемыми интересами афганского сообщества.

Влияние афганского сообщества на индивида: влияние этнической группы

Линейно-сетевой принцип построения афганского сообщества позволяет предположить наличие сильной власти группы над индивидом. При этом речь не идет о влиянии старших по возрасту или положению людей, речь также не идет о влиянии структур, типа афганского Делового центра, афганских фондов или торговых организаций, хотя это всегда присутствует. Речь идет именно о группе, о значении группы в жизни индивида, о той роли, которую группа берет на себя, в определенной мере предопределяя стратегию поведения индивида.

В самом деле, большинство респондентов отмечают для себя безусловную важность контактов со своими земляками. Люди, избравшие для себя стратегию ассимиляции и сознательно ограничивающие свое общение с афганцами, являются редким исключением. Как полагает большинство респондентов, сам стиль и образ жизни афганцев предопределяет необходимость обязательного общения друг с другом. *«Я считаю, что в материальном плане афганец может быть независим, однако в моральном плане он всегда нуждается в общении с другими афганцами, поэтому не общаться с земляками просто нельзя».*

Данная тенденция особенно сильно выражена у пуштунов и хазарейцев; таджики говорят об этом менее эмоционально, но и здесь присутствует явное стремление к контактам с земляками, что, правда, подчеркивается необходимостью выживания.

Высокая плотность неформальных информационных сетей и высокая скорость распространения информации позволяет быть в курсе всего, что происходит в рамках не только собственной группы, но и всего афганского сообщества. Именно поэтому принадлежность к афганскому сообществу и контакты с земляками рассматриваются как ценность. Если человек по каким-либо причинам «выпадает» или исключается из круга общения, он автоматически теряет и доступ к информации, которая циркулирует только в кругу «своих», поэтому контакты с земляками сами по себе рассматриваются как жизненно важные.

Особенно ярко это проявляется у женщин. Некоторые респондентки полагают, что многие женщины, лишённые контактов или ограниченные в общении со своими земляками, ищут повод, чтобы задержаться в приемной врача, поликлинике, магазине, т. е. там, где есть какая-то возможность познакомиться и установить новые связи. Предположительно, что среди женщин данная проблема стоит гораздо острее, чем среди мужчин, так как женщинам «предписывается» иметь более узкий круг общения, который в ряде случаев ограничивается рамками женской половины родственного клана. Учитывая разбросанность родственников по различным городам и странам, многие женщины сталкиваются с дефицитом общения, который выражен острее, чем у мужчин. Кроме того, языковой барьер и в основном поверхностные контакты с коренным населением являются дополнительным стимулом, подталкивают афганцев к общению друг с другом, способствуя усилению интеграционных тенденций внутри афганского сообщества. Таким образом, можно утверждать, что стопроцентное «выпадение» индивида из сети (круга общения) — явление достаточно редкое и даже маловероятное.

Несмотря на очевидное влияние на индивида всего афганского сообщества, зависимость от него выражена существенно слабее, чем от собственной этнической группы, требующей гораздо большей лояльности, не говоря уже о более узком родственном круге. Тем не менее, отношения индивида и афганского сообщества мож-

но определить как достаточно тесные, несмотря на видимые различия по этническому признаку. Дело в том, что зависимость индивида от афганского сообщества может определяться не только позицией самого индивида, но и его ближайшим окружением, то есть индивид относится к сообществу не непосредственно (напрямую), а только через свою принадлежность к определенной этнической группе, клану. Налицо понимание или скорее «ощущение» многими афганцами того, что их узкая группа, клан является частью большого целого (афганского сообщества) в Москве и что эта принадлежность к большому целому может быть выгодна. Вероятно, отсюда и проистекает стремление значительной части афганцев к интеграции внутри афганского сообщества (то есть желание относиться к афганскому сообществу напрямую, минуя собственную группу, клан), несмотря на видимые этнические и клановые барьеры.

Литература

1. Аргументы и факты. 2001. № 28.
2. Новые данные в дополнение к справочному документу о беженцах и ищущих убежища лицах из Афганистана. УВКБ ООН, Центр документации и исследований. Женева, 1999.
3. Ассоциация афганских иммигрантов. Фонд помощи Афганистану. Данные на август 2001 года.
4. Statistics on asylum seekers registered with UNHCR ROM (As of the end of October, 2001).
5. Lamnek S. Qualitative Sozialforschung. Weinheim, 1995.